

18+

Полуян Алёна

ВАЛДГЕЙМ

Эхо пропавших душ

Алёна Полуян

Валдгейм. Эхо пропавших душ

«Издательские решения»

Полуян А.

Валдгейм. Эхо пропавших душ / А. Полуян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851108-0

Остров «Валдгейм» и особняк, расположенный на нём, всегда занимали умы жителей ближайшего города на материке. Однако он привлекал их не красотой своей природы, а таинственным исчезновением его владельцев, четы Гронеско, в год 1903. Согласилась бы Николина Василевски полвека спустя переступить порог забытого особняка, если бы знала, что тайна фотографии из архива психиатрической лечебницы обречёт её на жизнь, в которой придётся бороться за собственное существование и любовь?

ISBN 978-5-44-851108-0

© Полуян А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. В год 1963...	7
Глава 1. Валдгейм	7
Глава 2. Отче наш	10
Глава 3. Затянувшаяся тоска по невозможному	12
Глава 4. Алевтина	15
Глава 5. Шпорцевые лягушки	17
Глава 6. Кэтрин Морланд	19
Глава 7. Курс на маяк	21
Глава 8. Запертые тайны	24
Глава 9. Игры в прятки	26
Глава 10. Остров проклятых	29
Глава 11. Остывшая постель, но где моя любовь?	31
Глава 12. Зима посреди лета	34
Глава 13. Этот остров должен исчезнуть	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валдгейм Эхо пропавших душ

Алёна Полуян

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Алёна Полуян, 2025

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4485-1108-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В архиве лечебницы для душевнобольных располагалось бесчисленное число стеллажей, на полках которых покоились медицинские карты, хранившие тайны пациентов. Девушка двадцати шести лет трясущимися руками в спешке перебирала страницы дела с истёкшим сроком давности, на обложке которого едва различалась потерянная надпись: *Миллорейн Гронеско*.

Старые и пожелтевшие страницы слиплись и нарушительница покоя, переворачивая их, смачивала кончики пальцев слюной. В свете тусклых больничных ламп оказалось сложным прочесть потускневшие строки: рецепты, диагноз, характеристика пациентки сливались воедино, становясь большим размытым пятном. Неожиданно сердце непрошеной гостьи бешено заколотилось, а на коже проступили мурашки. Она смотрела и не верила тому, что видит прямо перед собой.

– Как такое возможно? – шёпотом произнесла она, вслушиваясь в тишину, царившую в архиве, словно та могла дать ответ.

Девушка с опаской взглянула на дверь, на которой висел новенький календарь на 1963 год, а затем снова сосредоточилась на фотографии, подшитой к карточке пациента. Она вглядывалась в хорошо знакомое лицо на снимке, каждый изъём которого знала и какое видела по утрам в отражении зеркала. То было её собственное лицо, но принадлежащее совершенно другой девушке, рождённой в 1882 году.

Неожиданно дверь в убежище скрипнула и в комнату вошла заведующая архивом, невысокая женщина пятидесяти лет, позади которой шёл молодой санитар плотного телосложения. Женщина опустила руку в карман своего халата, старательно избегая резких движений. Её рука заметно напряглась, словно она что—то сжала в своей ладони, прежде чем едва удивлённым, но спокойным и властным тоном произнесла:

– Николина, что Вы здесь делаете? Вам запрещено сюда заходить.

Часть 1. В год 1963...

Глава 1. Валдгейм

Николина проснулась из-за мерзкого звона в голове. Открыв глаза, она увидела перед собой безликий номер отеля «Восток», расположенного в городе Моран. Попытка сесть в кровати и вспомнить минувший день привела к тому, что мир вокруг начал кружиться, а содержимое желудка подступило к горлу и грозило вырваться наружу. Девушка собрала шоколадного цвета кудри в хвост и поспешила в туалет. После прочищения желудка она умылась и лишь тогда поняла, что всё это время звон исходил от телефона, стоявшего на тумбе вблизи кровати. Пожалев об излишне выпитом количестве алкоголя накануне, она вернулась в комнату и подняла телефонную трубку, переводя взгляд то на календарь с июлем 1963 года, то на хмурое небо за окном.

– Ты ещё в гостинице? – из трубки послышался удивлённый женский голос.

– Да, – сухо ответила Николина, пытаясь узнать собеседницу.

– Не стоило нам вчера так долго засиживаться в баре.

– Аврора? – она узнала голос новой подруги из ресторана отеля.

– Ожидала услышать кого-то другого?

– Нет, – в трубке раздался тяжёлый вдох. – Голова раскалывается, словно я вчера одна опустошила ту бутылку вина.

– И не говори. Так ты уже готова?

– Да, – девушка оглядела пижаму. – Уже выхожу.

– Поспеш. Близится шторм.

Небо постепенно затягивало свинцовыми тучами. Волны с грохотом разбивались о пирс, заставляя его сотрясаться. Аврора и Николина обсуждали поездку на таинственный остров, пока седовласый капитан готовил к отплытию паром скромных размеров.

– Боишься? – спросила Аврора, накручивая прядь рыжих волос на палец.

– Если ты о моём плане провести две недели оторванной от мира невесть где и наедине с незнакомым мужчиной, то, – девушка наигранно усмехнулась, – ни капельки.

– Ну а на самом деле?

– На самом деле мне очень и очень страшно. Если бы не твоя поддержка, я бы уже вернулась домой, поджав хвост.

– Я могу поехать с тобой, если хочешь?

– Спасибо, Аврора. Но я не хочу никого втягивать в эту передрыгу, – она на долю секунды закрыла глаза и увидела полузаброшенный старый особняк из своих снов, скрывающий ужасную тайну за своими дверями.

Тайну, за которую она должна расплатиться собственной жизнью.

– Уверена?

– Да, – Николина обняла себя в попытке согреться. – Как далеко остров?

– В двадцати километрах. Обещай, что сообщишь мне, когда вернёшься?

– Обещаю.

Спустя чуть более часа паром приблизился практически до упора к скалистому берегу нелюдимого острова, капитан остановился у одряхлевшего и местами прогнившего старого пирса.

– Вот мы и прибыли на остров «Валдгейм», – мужчина оглядел причал и нахмурил брови. – Странно, – протянул он.

– О чём вы?

– Не вижу моторки смотрителя, – старик принялся помогать девушке перекидывать на деревянный помост ящики с провизией и пятилитровые бутылки с водой. – Неужели он в городе?

– Может, лодка в гавани между утёсами? – предположила спутница.

– Скорее всего. Но, так или иначе, надо будет как-нибудь проведать этого старика.

– Я передам ему привет от вас.

Моряк стёр со лба первые капли дождя:

– Вы справитесь дальше без меня? – он бросил взгляд на ящики. – Обычно я оставляю продукты на том выступе, – мужчина кивком указал на место в конце деревянной конструкции.

– Да, – ответила девушка, глядя на следы дождевых капель на пирсе. – Напомните имя смотрителя?

– Викентий Маркович, – глядя на то, как дрожит девушка, он добавил: – Николина, не бойтесь. Всё это сказки, что говорят об острове, – и старик поплыл прочь.

Беспокоясь за продукты, которые с ветхого пирса грозили смыть сильные волны, гостья перетащила ящики на каменистый выступ скал. Её сердце судорожно сжималось каждый раз, когда она ступала по деревянному помосту. Она чуть не последовала в мутную воду вслед за прогнившей доской, хрустнувшей у неё под ногами, когда несла последний ящик с едой. К этому времени дождь стал частым, и Николине пришлось поднимать продукты на равнинную часть острова по выбитой из камня и местами разрушенной лестнице.

Оглядев остров, она отметила, что лес обрамляет практически всю его территорию. В основном здесь произрастали ели, сосны, кедры, берёзы и дубы. В самом центре острова стоял возведённый на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков заброшенный двухэтажный особняк, выполненный в колониальном стиле. Бежевая отделка здания потускнела и осыпалась. Из-за поросших мхом и чёрной плесенью стен когда-то уютный и светлый дом с открыток теперь казался мрачным и вселял отвращение. Рамы окон почернели и сгнили. Стёкла покрывали налипшая от дождей пыль и гирлянды паутинок. Девушка смогла рассмотреть изображение лебедей на восточной стене, поросшей нежно-розовой плетистой розой. Под ней был разбит сад, нуждающийся в прополке. Казалось, за особняком никто не ухаживает.

Несмотря на густую растительность, Николина за домом разглядела на невысокой возвышенности тёмный лысый клочок земли, где располагалось заброшенное фамильное кладбище. По её спине пробежал холодок. Мертвецкую тишину, царившую на острове, разрывали шум волн, разбивающихся о скалы, и шелест листьев. В воздухе веяло сладким ароматом цветов, морского бриза и надвигающейся бури.

Оставив ящики с продуктами мокнуть под дождём у лестницы и ухватив дорожную сумку, Николина поспешила к большим старинным дверям, гармонично сочетающимся с отделкой террасы. Она громко постучала, но тишина была ответом. Девушка повторила попытку, но безрезультатно. Решив, что из-за величины дома её могли не услышать, она обошла особняк в поисках жизни. Однако, несмотря на тёмный день, ни в одной из комнат не горел свет. Слова капитана о моторной лодке обеспокоили её. Вернувшись к дверям, девушка с надеждой снова дёрнула за грязную ручку. Дверь осталась запертой. Поиск запасного ключа под ковром, рассыпающимся от старости, не привёл к желаемому результату. Взглянув на наручные часы, показывающие четыре часа дня, девушка решила, что если смотритель не появится, придётся отыскать иной способ попасть внутрь.

Дождь, превратившейся в ливень, напомнил о продуктах, и гостья перетащила ящики на террасу. Усевшись на одном из них, она принялась вглядываться в тени, крадущиеся за пеленой дождя. Попытки успокоить себя провалились со скрипом входной двери позади. От неожиданности на Николину одновременно нахлынули всепоглощающий ужас и облегчение. Обернувшись, она ожидала увидеть Викентия Марковича, но в дверях её встречала только тьма. Совладав с собой и вцепившись в нательный крестик, она вошла в особняк. Резкий запах сыро-

сти, пыли и сладкого зловония врезался в нос. Девушка закашлялась, а содержимое желудка подступило к горлу. Она натянула на нос горловину водолазки, отчего стало легче дышать. Вскоре она привыкла к запаху.

В холле, который резко перетекал в комнату для приёма гостей, было темно. Этому способствовали не только задёрнутые и изъеденные молью шторы, но и обшитые панелями стены цвета красного вина. Меблировка помещения, напротив, имела светлые тона, но время и сырость наложили на неё свой мрачный отпечаток. Пыль укутывала каждый предмет обстановки и шуршала под ногами. Мурашки безостановочно бежали по коже.

– Есть кто-нибудь? – окликнула девушка. – Викентий Маркович? Вы здесь? – ответная тишина пугала её, и девушка схватила стоявший на комодке подсвечник.

– Ау-у-у! – казалось, кто-то притаился и следит за ней, выжидая момент.

Николина боялась проходить в чёрное сердце дома и осталась дожидаться зрителя у входа. Спустя двадцать минут ожидания она не выдержала и отправилась на его поиски, но прежде у камина сменила подсвечник на кочергу. Блуждая по коридорам первого этажа, напоминающим лабиринт, и не решаясь подняться выше, девушка выяснила, что большая часть комнат заперта.

Дом незаметно для глаз гостьи начал преображаться. Засохший гербарий в вазе, до которого она легонько коснулась рукой, снова стал ароматным букетом садовых цветов. Грязное кухонное окно, скрытое до этого занавесками, отныне впускало в дом обильный поток света, а потерявшая скатерть на обеденном столе засияла новизной и белизной.

Спустя полчаса из-за резко опустившейся темноты различать объекты даже на расстоянии вытянутой руки стало затруднительно. Возвращаясь к входным дверям, Николина заметила свечение в гостиной и крепче сжала в руке кочергу. Выйдя из-за под покрова темноты, она разглядела у камина силуэт мужчины, стоявшего к ней спиной.

Глава 2. Отче наш

Из-за испытываемого страха девушка не спешила окликать мужчину, но он первый поприветствовал её и после паузы, также не оборачиваясь, добавил:

– Обходить дом без ведома хозяев – признак невоспитанности.

– Здравствуйте! – немного резко прозвучало из уст гостя. – Простите мою дерзость, но я очень долго ждала вас в холле, – дрожа от холода, она сделала несколько шагов в сторону источника тепла и света.

Собеседник обернулся, но не сразу задал свой вопрос. Он неприлично долго не отводил испуганный и в то же время удивлённый взгляд от девушки:

– Зачем же вы искали меня? – он потянулся к кочерге в её руках. – Это вам не пригодится.

Внешность зрителя вызвала недоверие и опаску со стороны Николины. Образ седовласого Викентия Марковича не вязался с зеленоглазым незнакомцем. Его зачёсанные на бок короткие тёмно-русые волосы и гладкая кожа лица не имели ни малейшего намёка на седину и морщины. Чётко очерченная линия подбородка и высокие скулы твердили, что он только-только разменял третий десяток. Тёмная ниточка усов над губой придавала его лицу особое очарование и озорство. Образ завершала пиджачная пара с шлейфом и разрезами на лацканах, какие носили в начале двадцатого столетия.

– Мне сказали, остров открыт для визитов. Разве не так?

– У нас уже несколько лет не было добропорядочных посетителей. С какой целью вы прибыли?

– Я журналист.

– Журналист-женщина?

– Вас это смущает?

– Непривычно.

– Лет через пятьдесят подобным достижениям борьбы за равноправие перестанут удивляться.

Мужчина откашлялся:

– Если только мир не сойдёт с ума прежде. Так вы работаете в газете?

– В журнале. Жаль, не на телевидении.

Собеседника озадачили слова гостя, но он промолчал об этом:

– В этом месте нет ничего интересного, не стоит тратить на него время.

– Меня уволят, если я не выполню свою работу, – защищалась девушка.

Мужчина поворошил кочергой дрова в камине и, вспомнив о своём упущении, произнёс:

– Я не представился, – словно нехотя начал он, – Викентий, к вашим услугам, – и он протянул девушке руку.

– Николина Василевски. Приятно познакомиться, – она протянула руку в ответ, но вместо рукопожатия мужчина поцеловал тыльную сторону её ладони.

У Николины округлились глаза. Не выдержав изучающий взгляд собеседника, она перевела взгляд на разбитую хрустальную люстру, некогда лежавшую у дивана, но теперь возвышающуюся под сводами потолка. Этот факт ввёл её в смятение.

Мужчина о чём-то задумался и повернулся к камину, а Николина тем временем пыталась получше рассмотреть холл:

– Я привезла с собой еду. Боялась, что вы не сделали запасов перед штормом.

– Весьма признателен вам, – Викентий снова обернулся к госте.

– А что это за запах?

– Какой запах? – встревожился зритель.

– Приятно сладкий. Неприятный.

– Неполладки с канализацией, – отрезал он. – Идёмте, я покажу вашу комнату, – и на этих словах он направился вглубь дома с подсвечником в руке. – Багаж можете оставить. Я подниму его чуть позже.

Девушка схватила рюкзак и направилась за смотрителем вдоль по темному коридору, который заметно изменился с её последней прогулки по нему. Стены, обшитые деревянными панелями и оклеенные до половины тёмно-синими обоями, выглядели более свежими, а краска – сочнее. Поднявшись по широкой винтовой лестнице наверх, смотритель проводил девушку в просторную светлую комнату, к которой прилегала отдельная ванная. В комнате пахло жасмином и отсутствовал намёк на какую-либо пыль или плесень. Светло-красная спальня с элементами красного дерева выглядела словно после реконструкции.

– Кажется, это хозяйская спальня?

– Да. Лучшая комната в доме. Здесь вас ничто и никто не побеспокоит.

– А где ваша комната?

– Я сплю внизу, в комнате кухарки.

Прежде чем покинуть гостью, Викентий осведомился, не голодна ли она, и девушка попросила вместо ужина какой-нибудь фрукт и бутерброд.

– Я могу разжечь для вас камин, если вам холодно?

– Не стоит. Всё в порядке.

Оставшись наедине, Николина не стала попусту жечь свечу и оттягивать отход ко сну. Желая смыть с себя пот, она направилась в ванну, однако пришлось довольствоваться платком и водой, поскольку водопровод не работал. Из крана редкими каплями текла зеленая слизь.

Засыпая этой ночью в запертой на ключ комнате, гостя слышала невнятный шорох в коридоре и перешёптывания. Желая на всякий случай чем-нибудь подпереть дверь, она постаралась как можно тише подойти к ней. Но как только она ступила на холодный пол босой ногой, что-то грузно упало в коридоре у самого порога. Николину словно окатило ведром ледяной воды. Она рывком вернулась в кровать и снова, вцепившись в нательный крестик, принялась читать полуслёпотом молитву «Отче наш». На протяжении всей ночи, стоило Николине заснуть, как её будили стук ветвей о подоконник или скрипы половиц, доносившиеся из соседних комнат.

Перед самым рассветом гостя проснулась в очередной раз от мягкого красно-жёлтого света, заполняющего комнату. Викентий разжег камин, а значит, в целях безопасности дверь стоит подпереть комодом в следующий раз.

Глава 3. Затянувшаяся тоска по невозможному

В комнату заглянули первые лучи рассвета. Девушка раскладывала в шкафу вещи из своего багажа, найденного на пороге. Спальня выглядела так, словно хозяин покинул комнату на миг и вот-вот вернётся. В платяном шкафу висели чистые и выглаженные платья и пиджаки. Туалетный столик заполняли баночки с духами и косметикой старого образца. На прикроватном столике лежало коллекционное издание книги Чарльза Диккенса «Большие надежды» и записная книжка на имя Максимилиана Гронеско. На страницах цвета топлёного молока, казалось, написанная свежими и сочными чернилами, оборвалась фраза: «Она здесь. Я должен...». Гостя перевернула страницу назад, намереваясь прочесть начало заметки, но вторжение в чужую частную жизнь было прервано вторжением в её собственную жизнь. Настойчивый стук в дверь сменился на голос смотрящего:

– Николина, доброе утро! С вами всё в порядке?

– Доброе утро, Викентий! – отвечала девушка, возвращая на место блокнот. – Входите, не заперто.

– У меня заняты руки, – когда девушка послушно открыла дверь, он продолжил: – Я слышал, как всю ночь вы бродили по комнате, – Викентий вошёл в спальню, держа охапку дров к рукам.

– Старый дом меня немного пугает, как и разожжённый не мною камин при запертой двери.

– Простите мне мою дерзость. Мне казалось, вы замерзли, – он уложил дрова рядом с камином.

– Да, спасибо. Мне действительно было холодно. Только, пожалуйста, не делайте подобных вещей впредь.

– Можете не беспокоиться. Я буду разжигать огонь, только если вы этого попросите.

– А где можно умыться? Принять душ? – она перевела разговор на ещё одну насущную тему.

– Мои запасы питьевой воды иссякли, а резервуары дома не заполняли с тех пор, как всё здесь пришло в запустенье. Я постараюсь прочистить часть трубопровода и наполнить водой из местного родника.

– Слава Богу, – с облегчением вздохнула гостя, но от упоминания Господа лицо Викентия помрачнело. – Я вам помогу в этом.

Смотритель направился к выходу:

– Я как хранитель и хозяин этого дома должен вас накормить, но боюсь, что из-за отсутствия практики мои кулинарные навыки сошли на нет. Вы сможете приготовить себе что-нибудь?

– Конечно. Только покажите, где и что у вас хранится.

– Простите. Я должен идти по делам. Всё, что вам понадобится, есть на кухне. Позже мы решим вопрос о воде, и я отвечу на все вопросы для журнала.

После того, как Викентий покинул комнату, Николина вернулась к Диккенсу, чтобы дочитать запись, но записная книжка исчезла. Решив, что смотрящий намерен сохранить некоторые факты о семье Гронеско в тайне, она с неподдельным разочарованием направилась на кухню готовить завтрак. За долгие годы проживания в особняке ни один смотрящий так и не привёл в порядок столь значимую для дома комнату. В свете дня паутина, пыль, плесень, оставившие свои следы в каждом закутке, превратили кухню и столовую в подобие подвала. Найдя старое полотенце и плеснув на него воды, девушка стёрла со столешницы налёт плесени, мха и паутины. Николина не смогла отыскать чистую кухонную утварь, поэтому потратила прорву воды на мытьё сковороды, чайника, пары тарелок и кружек с помощью найден-

ного обмылка и того же полотенца. Печь не стала исключением, и возникли проблемы при её розжиге. Сначала она не желала гореть, а затем стала заполнять дымом комнату, что являлось следствием поломки дымохода или нерегулярной топки. Девушке повезло, поскольку вскоре за окном поднялся ветерок. Печь разошлась, и дым пошёл в трубу.

Выбирая блюдо для завтрака, гостя остановила свой выбор на яичнице и блинчиках, поскольку без электричества и холодильника яйца, молоко и сливочное масло будут испорчены. К возвращению Викентия завтрак уже стоял на сервированном обеденном столе.

– Вы навели порядок? – произнес Викентий, усаживаясь за обеденный стол. – Столовая снова приобрела своё очарование. Однако цветы в вазе всё равно выглядят странно.

– Надеюсь, я не сделала ничего плохого, немного общипав клумбу? – сказала гостя, садясь по левую руку от зрителя.

– На первый раз прощаю, – рассмеялся мужчина. – Спасибо, домашняя еда давно не радовала моих глаз. Вы не против, если я поем немного позже? Перекусил бутербродами.

– Думаю, в таком холодном и отсыревшем доме яичница может подождать часок другой, – она положила в рот кусочек. – Я не смогла найти посуду, которую вы используете. Пришлось потратить воду на мытьё той, что я нашла в одном из шкафчиков. Мы сможем после завтрака исправить, восполнить потери?

– Конечно, – сказал мужчина. – И приятного аппетита!

После завтрака Николина и Викентий отправились на короткую прогулку по саду. Восходящее солнце ярко освещало и пригревало остров. Природа вокруг зеленела и цвела, источая сладкие ароматы цветов и терпкой хвои. Безусловно, цветы, особенно розы, стали дикими без надлежащего ухода, но это не умаляло ни красоты, ни прекрасного запаха, которым они наполняли сад. Куда ни посмотри, росли плодовые деревья: яблоки, груши, сливы, тем самым решая проблему с провизией летом. Мир вне особняка казался оазисом рая, контрастируя с серостью и запустением, царившим в доме. Птицы щебетали и заливались трелью.

– Очень красивый сад. Не помню, когда последний раз видела подобное.

– Моя жена любила это место, – прокомментировал мужчина, глядя на лебедей, изображённых на стене. – Я часто находил её за работой с клумбами или грядками. Порой и сам помогал.

– Вы женаты?

Мужчина немного осёкся.

– Это было давно.

– Она не захотела жить на острове?

– Нет. Она любила его, но по не зависящим от нас причинам ей пришлось покинуть это место и меня.

– Сочувствую. Но почему вы не последовали за ней?

– Николина, я зритель. Я не могу, – был сдержанный ответ.

Забредя по гравиевой дорожке в самую потаённую часть островного парка, где располагалась беседка, они уселись на скамью. По сдержанным ответам зрителя было ясно, что он не настроен вести беседу. Но девушка продолжала засыпать его вопросами.

– Викентий, а вам не страшно одному жить в таком большом доме? Он должно быть полон призраков?

– С вашим приездом всё переменялось. Я всегда любил уединение и, когда очередной местный зритель сорвался со скалы, решил поставить на этом точку и взять дело в свои руки.

Ещё немного времени насладившись отдыхом в беседке, они направились к роднику, который водопадом впадал в небольшое пресное озеро. Викентий и Николина начали набирать воду, разбавляя работу непринуждённой беседой. Вдвоём они очень быстро заполнили резер-

вуары для воды на кухне и в хозяйской ванной. Спустившись на первый этаж для начала экскурса в прошлое, Николина ввела в ступор зрителя своим вопросом:

- Почему вы не сказали, что ваша дочь на острове?
- Дочь? – взволнованно произнёс Викентий.

Глава 4. Алевтина

– Из окна столовой за нами следила малышка пяти лет с золотыми кудрями, – улыбнулась смущённая гостья. – Боюсь, она не одобрит наше знакомство.

– Алевтина, – тяжело выдохнул мужчина. – Я просил её, но она такая непослушная.

– Она ребёнок. Вы ожидали другого? Стоп. Вы запретили ей со мной говорить?

– Она быстро привыкает к людям, а вы разобьёте ей сердце своим отъездом.

– Я начинаю догадываться.

– О чём? – взволнованно спросил Викентий.

Она отвела глаза в сторону, а он был готов сдаться.

– Ваша жена. Она умерла.

– Да, – прозвучал сухой ответ, даже немного рассерженный. – Не будем ворошить прошлое. Давайте я познакомлю вас с домом? – Викентий отдернул шторы в попытке наполнить комнату светом.

В солнечных лучах в танце закружилась пыль.

– Особняк принадлежал родовой семье Гронеско, – рассказчик посмотрел на пустое пространство над камином.

– Мне показалось, вчера здесь висел семейный портрет.

– Невозможно, все до единой картины убрали ещё много лет назад, желая сохранить их от воздействия времени и мародёрства, – отрезал он. – Я могу продолжать?

– Простите, – девушка послушно уселась на диван, который, казалось, стал выглядеть более новым.

– Строительство особняка началось в 1873 году, в год рождения у Виктора и Элизабет Гронеско двойни. Дом строился для тихой семейной жизни, а для званных ужинов и иных масштабных мероприятий в собственности семейства находилась усадьба на материке. Строительство особняка заняло девять лет и было окончено к 1882 году, – в руках Викентия зазвенела связка с ключами. – Пройдёмте в кабинет хозяина.

В комнате, где хозяин решал деловые вопросы, ощущался недостаток света. Стены, наполовину обшитые панелями из красного дерева и наполовину окрашенные в тёмно-зелёный цвет, создавали уютную атмосферу. На рабочем столе у окна лежали нетронутыми разнообразные документы, старые газеты и прочий канцелярский инвентарь. Книжные полки, полностью уставленные книгами, занимали две стены по обеим сторонам от окна. Рядом с одной из них находилась небольшая софа и журнальный столик.

– Семейство Гронеско, достроив дом, не намеревалось перебираться на остров после трагической истории, разыгравшейся в 1877 году. В том году Виктор Гронеско взял на строительство с собой детей, дабы показать место, где им предстояло летом проводить время. Дети увлечённо играли в игры на свежем воздухе, а глава семейства тем временем решал деловые вопросы. Когда пришло время возвращаться на материк, мужчина пошёл разыскивать детей и обнаружил Максимилиана, стоявшего на краю обрыва. У четырёхлетнего мальчишки на лице застыл ужас.

– Что случилось, сынок? – спросил отец, догадываясь об ответе.

Мальчик не мог произнести ни слова. Виктор Гронеско обхватил ребёнка за плечи, сев на колено перед ним, и повторил вопрос:

– Сынок, что случилось?

– Мы играли, – мальчишка начал рыдать навзрыд. – Я догонял, – пытался он объяснить произошедшее, но слёзы мешали ему говорить. – Папа, я не хотел.

– Ты не виноват, сынок, – Виктор Гронеско начал успокаивать ребёнка.

– Я звал её, – он закрыл лицо руками. – Она не услышала меня.

– Всё будет хорошо, – уже себя и сына успокаивал мужчина, представляя, как будет рассказывать об этом жене.

– Какой ужас! – вскрикнула Николина, на глазах проступили слёзы.

– Да, – согласился смотритель, но никак не выразил свою скорбь. – Дом пустовал до 1902 года, пока сын Виктора, Максимилиан Гронеско, и Милилорейн Валдгейм не вознамерились связать себя узами брака, – мужчина проводил гостью в библиотеку, которая примыкала к кабинету. – В 1903 году с целью вдохнуть в «Дом с лебедями» новую жизнь в день первой годовщины со дня свадьбы Максимилиан дал острову название «Валдгейм».

Библиотека ничем не отличалась от предыдущих комнат и была полностью обшита тёмными деревянными панелями. Здесь, казалось, можно найти любую книгу на свете.

– Кажется, я понимаю, почему вы не могли не стать смотрителем, – девушка провела пальцами по корешкам книг, словно по клавишам пианино.

– Кухню и столовую, – начал Викентий, – мы посещать не будем, поскольку вы уже посетили их. На первом этаже дома также расположены три комнаты для прислуги, кладовая и спуск в подвал, куда мы не станем спускаться, поскольку там уже лет пятьдесят живут крысы.

Они покинули библиотеку и снова оказались в холле.

– На втором этаже находятся пять спальных комнат с прилегающими к ним ваннами и лестница на чердак. Остальные комнаты, кроме хозяйской спальни, закрыты для просмотра.

– И чердак?

– Особенно чердак. Я готов ответить на любые ваши вопросы.

– Неужели?

– Николина, что вызвало в вас эту усмешку?

– Вы не рассказали мне историю до конца.

В этот момент в комнату вбежала маленькая светловолосая девочка.

– Алевтина, будь добра, подойди ко мне, – подозвал отец девочку. – Познакомься, наша гостья, Николина.

– Здравствуйте, Николина.

– Зови меня Нина, – девушка улыбнулась малышке.

– А вы можете звать меня Али.

– Николина, почему ваш журнал так заинтересован этим семейством?

– Нина, пойдёмте гулять? На улице такая чудесная погода.

– Алевтина, не перебивай взрослых.

– Да всё в порядке, – вступилась гостья. – Идём.

– Всему своё время, – ответила она, покидая особняк.

– Я буду ждать вас в кабинете, – проговорил смотритель, проверяя время на карманных часах.

Глава 5. Шпорцевые лягушки

Алевтина оказалась слишком спокойным ребёнком для своих лет. Вместе с девочкой они бродили по саду, говорили о писателях, с которыми малышка успела ознакомиться в местной библиотеке. Тем временем Николина пыталась разгадать загадку. Казалось, Викентий хорошо знаком с историей семьи, но он довольно неохотно рассказывал её посторонним. Девушка не смогла отыскать достойного объяснения подобному поведению.

Приближался вечер. Погода заметно ухудшалась, задул ветер, а на небе набежали тучи. Николина вернулась вместе с девочкой в дом, где Викентий уже разжёг камин и зажжёг свечи.

– С какими вопросами вы приехали, Николина? – спросил смотритель, когда они расположились у открытого окна в библиотеке. – Вы ведь не журналист?

– Вы правы, но я хочу услышать всю историю о семье Гронеско. Ни один архивариус не смог мне помочь.

– И каков ваш самый главный вопрос?

– Разве вы уже не догадались? – она изогнула бровь.

– Николина, не уходите от ответа.

Она прикусила губу, набрала в лёгкие воздуха и сухо спросила:

– Почему я полная копия Милилорейн Гронеско?

– Откуда вы знаете? Вы видели семейные снимки?

– Только Милилорейн. Рождается впечатление, что семья Гронеско никогда не существовала. Я будущий психиатр. Во время практики в психиатрической больнице я обнаружила в архиве досье на некую Милилорейн Гронеско, в девичестве Валдгейм, и с фотографии, прикрепленной в углу, на меня смотрела я сама. В карточке даже говорилось о родимом пятне, которое по форме, размеру и местоположению совпадает с моим.

– Милилорейн была пациентом в больнице для психически нездоровых людей? – ужас застыл на лице Викентия.

– Да. Она поступила туда в возрасте двадцати семи лет, не выдержав психологического напряжения из-за исчезновения мужа. Мне даже удалось разыскать медсестёр, которые заботились о ней. Они рассказали мне все те истории, в правдивости которых Милилорейн пыталась их убедить.

– Что за истории? Что стало с ней?

– Может, перейдём в другую комнату и сделаем по чашке чая? Уже вечер, и я проголодалась. Да и Алевтину следует накормить.

– Я накормил девочку, – резко ответил мужчина, не желая прерывать беседу.

Пока Николина готовила ужин, она продолжала свой рассказ.

– Изначально Милилорейн намеревались положить в лечебницу на пару недель, дабы она справилась с чувством утраты под надзором врачей. Однако попытка девушки сбежать на остров привела к тому, что ей запретили покидать стены здания больницы. Надсмотр ужесточился, и уже даже родственники не могли её навещать. Вскоре она погибла, якобы выпрыгнув из окна. Моя подруга, Аврора, отвела меня на фамильное кладбище семьи Валдгейм. Поговаривают, что семье не выдали тело Милилорейн и её могила пуста. Я смотрела на фотографию на могильной плите, словно на своё отражение в зеркале, и от этого мурашки бежали по коже.

Гостья разлила по тарелкам куриный суп, а чай по чашкам, при этом старательно пыталась вспомнить всё то, что ей удалось узнать о Милилорейн Гронеско за последние три месяца.

– Помимо меня есть ещё один двойник, но эта девушка погибла в год моего рождения в возрасте двадцати семи лет. Не знаю, как объяснить наше сходство.

Викентий нахмурился и между его бровями пролегла глубокая морщинка.

– Некоторое время я придерживалась кое-какой теории. Я считала, что нас клонировали.

– Клонировали?

– Знаю, абсурд. Но вы же слышали о профессоре Джоне Гордоне?

– Нет.

– Он в прошлом году провёл опыт по клонированию шпорцевых лягушек, чтобы получить двух одинаковых. Вот только неизвестно, насколько эти опыты реальны и можно ли нечто подобное сделать с человеком.

– Но как?

– В 1953 году Френсисом Криком и Джеймсом Уотсоном была предложена структура двойной спирали ДНК, а год назад их работу отметили Нобелевской премией. И я решила, что раз в те времена любили оставлять локон волос на память, из них можно извлечь код ДНК. Но опять неизвестно, возможно ли клонирование человека и выживет ли он? Я знаю, моя теория ошибочна. Это подтверждает и тот факт, что для клонирования необходима живая клетка, а в волосах, как принято считать, содержатся только отмершие.

Лицо Викентия выдавало недоумение. Мужчина был ошарашен, пытаясь вникнуть в смысл услышанного. Девушка заметила, что он так и не притронулся к супу.

Мужчина озадаченно бросил взгляд в окно на опустившиеся сумерки и встревоженно теребил пуговицу пиджака.

– Так вы можете рассказать мне об этой семье что-нибудь ещё? – гостя старалась вернуть его к разговору.

– Не знаю. Мне необходимо подумать.

Глава 6. Кэтрин Морланд

Когда зритель покинул комнату, Николина пришла к выводу, что он по тем или иным причинам не желает посвящать её в тайну семьи Гронеско, но именно от этих знаний зависит её жизнь. Из-за ограниченности времени, которое она может провести на острове, девушка приняла решение разузнать всё самой: отыскать документы, портреты, дневники – всё, что могло бы пролить свет на проклятие острова «Валдгейм».

Дождаясь, пока Викентий и Алевтина уснут, Николина копила храбрость для посещения запретных и запертых комнат. Причина, по которой они не доступны для осмотров, показалась ей неубедительной, поскольку остальная часть дома, полуразрушенная, покрытая плесенью и поросшая мхом, свободно предоставлена для экскурсий.

Из гостиной донеслось двенадцать чётких и размеренных ударов часов. Пробудившись от подступившей дремы, гостья схватила фонарик и, едва скрипнув дверью, выскользнула из комнаты. Николина ступала по паркетному полу, стараясь избежать непрошенных звуков.

Спускаясь по лестнице, она выключила на время фонарь и на мгновение замерла, желая убедиться, что шаги зрителя, блуждающего по коридором, утихли. Оказавшись в холле, гостья взяла связку дубликатов ключей из ключницы у парадной двери, а затем вновь поспешила вернуться наверх.

Ни один ключ из связки не подошёл к двери на чердаке, что расстроило Николину, поскольку она возлагала большие надежды на комнату, где обычно семьи хранят свои воспоминания. В отчаянии и в надежде она принялась спускаться на второй этаж, чтобы исследовать гостевые спальни, сомневаясь, что в них скрыто хоть что-то интересное. Напоследок девушка ещё раз окинула взглядом чердачную дверь и осветила фонариком. В этот раз её внимание привлекли ступени под дверью. Она подошла ближе, села на корточки и попыталась поднять доску самой нижней ступени, затем другую, и лишь на третьей её догадка оправдалась. В тайнике она нашла ключ, который без труда помог ей отворить дверь на чердак.

Чердак, как и большинство комнат в этом доме, находился под покровом пыли, отчего дышать было затруднительно. Николина огляделась по сторонам и заметила, что в крыше дома есть небольшие разломы, поэтому в некоторых углах комнаты, погружённой во мрак, хранились лужи прошедшего дождя. Единственным источником света оказалось небольшое круглое и заляпанное грязью окно, расположенное на противоположной от входной двери стене.

Аккуратно огибая груды вещей, Николина медленно продвигалась в центр помещения. Взгляд её падал то на старый буфет, то на антикварные подсвечники и деревянные резные шкапулки. Краем глаза она увидела какое-то движение справа от себя, отчего слегка взвизгнула и отпрыгнула в сторону, заставив фарфоровую вазу на неустойчивом столике покачнуться. Её испуг вызвало собственное отражение в завешанном паутиной зеркале.

Девушка поднялась, отряхнулась и продолжила знакомство с историей семьи Гронеско в деталях. Подойдя к невысокому комоду, она отворила шкафчик и принялась изучать его содержимое. Шкаф наполняли женские платья, сложенные в аккуратные стопки. Гостья развернула одно из них, и её взору предстало длинное платье небесного цвета. Казалось, время не тронуло его. Платье соответствовало стилю начала двадцатого века.

Стараясь исследовать чердак вблизи окна, Николина наткнулась на туалетный столик, краска которого потрескалась и осыпалась местами. Девушка принялась поочередно выдвигать ящички. Один из них оказался пуст, в другом лежало зеркало с отломанной ручкой, а в следующий девушка даже не стала заглядывать, будучи отвлечённой рядами книжных полок, встроенных в стену. Доступ к ним перекрывали обеденный стол из дуба, поржавевший каркас кованой кровати и груды огромных прямоугольных свёртков, аккуратно сложенных друг на друга. Она попыталась расчистить дорогу, чтобы добраться до книг, но каркас кровати оказался неподъ-

ёмным, а продвигаться по свёрткам она не стала, боясь повредить их содержимое. Николине показалось странным, что, в отличие от остальных предметов комнаты, на свёртках, лежащих наверху, ещё не успела осесть пыль. Рождалось впечатление, будто их только вчера завернули и отправили храниться на чердак. Развязывая узел за узлом, девушка принялась аккуратно обнажать начинку одного из свёртков, догадываясь, что они могут скрывать семейные портреты. Но ведь Викентий говорил, что их увезли на материк?

Сначала показалась золотистая резная рама, затем дубовый паркет, нанесённый художником щедрыми мазками. Ещё мгновение, и завиднелось сочное небесно-голубое платье, ранее обнаруженное в шкафу. Снова шелест снимаемой ткани, и Николина узнала на портрете собственное лицо. Пышная причёска Милилорейн Гронеско выгодно подчёркивала её скулы. Гром за окном, капли дождя, стучащие о крышу, и шёпот дома заставили очарованную гостью почувствовать себя Кэтрин Морланд из Нортенгерского аббатства, попавшей в средневековый замок. Изучая находку, она посветила фонарём на камин рядом с двойником и вскоре обнаружила мазки, изображающие мужской костюм.

– Максимилиан, – выдохнула девушка и поспешила убрать белую материю, скрывающую лицо главы семейства.

Сердце бешено заколотилось. Рука взмыла вверх, и в эту секунду кто-то перехватил её запястье.

Глава 7. Курс на маяк

– Николина, вы злоупотребляете моим расположением к вам, – строгий отчитывающий голос эхом разлетелся по чердаку, заставив испуганных ворон на оконном карнизе с карканьем кинуться прочь.

– Вы солгали мне, – она избавилась от цепких рук Викентия. – Именно этот портрет я видела в день приезда в холле.

– Вы не должны были этого делать, – казалось, масляный фонарь в его руках погаснет, стоит ветру за окном снова приблизиться к дому.

Вопреки испытываемым угрызениям совести Николина сказала:

– Поймите, вы скрываете тайну, которая стоит мне жизни, – она развернулась к портрету с намерением рассмотреть его целиком, но Викентий грубо схватил девушку за руку и повёл прочь.

Она сопротивлялась, цепляясь за перила и колотя его по руке:

– Я должна увидеть его.

– Эти портреты не дадут вам ответов.

– Откуда вам знать?

– Потому что я знаю, что случилось на острове.

– Так не тяните. Расскажите мне.

– Всеми своё время, – он отпустил её руку, устав от сопротивления, оказываемого гостьей. – Я пытаюсь спасти вас, а вы навлекаете себя беду.

Гамма эмоций пробежала по лицу девушки, но она промолчала. Они стояли в коридоре второго этажа, освещаемого только светом масляного фонаря в руках зрителя.

– Если вы сейчас вернётесь назад, я уже не смогу вас спасти. Прошу, позвольте мне поступить правильно. Ступайте к себе в комнату, – в его голосе звучало что-то пронзительное и душевное, пробирающее до дрожи.

Казалось, мужчина вот-вот переступит порог и расскажет истину от начала и до конца.

Мурашки пробежали по телу гостьи, и она обхватила себя руками, потирая за плечи, гадая о том, какое решение будет правильным для неё.

– Прошу, – он протянул руку для ответа, и в этот момент в коридоре, ведущем на чердак, послышался хруст фарфоровой вазы, сорвавшейся со стола.

Николина мгновенно оказалась рядом с Викентием, крепко вцепившись в его руку, и сама потянула его вниз на второй этаж.

– Завтра мы с вами обо всём поговорим, – сказал Викентий, проводив девушку до спальни. – А теперь ложитесь и ни о чём не тревожьтесь, – и уходя, забирая из её рук связку ключей, добавил: – Верьте мне.

Всю оставшуюся ночь Николина видела кошмары. Возможно, это были отрывки ужасных снов, которые преследовали Максимилиана Гронеско. Проснувшись от стука в дверь, девушка с ужасом подумала о том, что из кошмара во сне перенеслась в кошмар в жизни. Беда лишь в том, что кошмар в жизни, после сравнительного анализа, оказался более ужасным, нежели во сне.

– Николина, я принёс вам завтрак, – вернул в реальность голос зрителя.

– Доброе утро, Викентий, – пролепетала она, пропуская его в комнату.

В непрерывно бегающем взгляде мужчины читалось смущение из-за шёлковой пижамы, в которой перед ним предстала гостья.

– Извините, я думал, вы встали, – он поставил поднос на комод и собирался покинуть комнату.

– Всё в порядке, я готова получить ответы прямо сейчас.

– Я буду ждать вас внизу через час. Вам хватит этого времени?

– Конечно, – повиновалась девушка.

Спустившись вниз, Николина застала Викентия, сидящего в кресле и читающего книгу. Рядом с ним сидела Алевтина, надевающая чепчик на свою фарфоровую куклу. Девушка не могла не заметить, что холл преобразился с тех пор, как она тайно кралась по нему за ключами.

– Мы куда-то идём? – спросила она, заметив летние пальто на отце и дочери.

– Сделаем небольшую прогулку на маяк.

– Вы прихватили с собой корзинку для пикника? – удивилась гостя, когда они покинули особняк и отметила, что из ключницы пропали остальные ключи, которыми она рассчитывала воспользоваться.

Погода стояла пасмурная, но безветренная. Трава ещё не успела обсохнуть от прошедшего дождя. Они обогнули дом и пошли в противоположную от пирса сторону. Девочка беззаботно бежала впереди, уже хорошо зная дорогу до маяка. Миновав небольшой лес, они вышли на песчаный берег, о существовании которого до этого момента девушка даже не догадывалась. Она разглядела второй пирс, выполненный из бетона, к которому была пришвартована небольшая лодка. Чайки, облепившие маяк, стоящий обособленно от острова на каменной скале, громко гаркали, и их крик эхом разносился по песчаному берегу. Гостя, заворожённая подобной красотой, отвлеклась от мыслей, круживших как стая птиц в голове. Николину поглотила экскурсия на маяк и вид, открывающийся со световой камеры, где находилось оптическое устройство, благодаря которому посылались сигналы. Однако теперь, много лет спустя, маяк не мог похвастать своей работоспособностью, поскольку в агрегатной не осталось ни капли топлива.

– Так вот куда вы постоянно сбегаете? – проговорила девушка, смотря с высоты маяка вдаль, на бушующую морскую гладь.

– Да, – смотритель опёрся о стальные прутья перил. – Я увидел вашу лодку задолго до того, как она причалила к острову.

– Я думала, вы прибыли на остров следом за мной.

– Единственная пришвартованная к этим берегам лодка имеет пробоину. Она непригодна к странствиям по морским гладям.

– Почему же тогда вы заставили меня ждать под дождём?

Он посмотрел в сторону, следя за тем, чтобы восторженная прогулкой Алевтина не сорвалась вниз.

– Боялся встретить вас.

– Меня?

– Когда-то давно мне сказали, что Милилорейн Гронеско однажды вернётся на остров.

– И вот я здесь, двойник во плоти, – закончила девушка его слова. – Вы тоже напуганы, Викентий?

– Мне очень тяжело поступить правильно в отношении вас.

– Так что же вы должны сделать? – Николина предприняла попытку повернуть разговор в нужное русло.

– Я должен убедить вас слушать меня и не задавать лишних вопросов.

– Это несправедливо, вы ведь не верите моим словам, что за эту тайну мне придётся расплатиться жизнью, – раздались нотки упрёка в её голосе, когда они спускались вниз по винтовой лестнице маяка.

– Я верю вам, поэтому прошу следовать моим указаниям.

Разместившись на морском берегу на пикник, они не заметили, как пролетел день и солнце начало заходить. Викентий больше не заводил разговоров о тайне семейства Гронеско и пресекал любые попытки гостя выяснить это. Однако, вопреки неоправданным ожида-

ниям, день прошёл лучше, чем можно было пожелать. Николина не могла припомнить, когда чувствовала себя в последний раз такой счастливой. И это чувство помогло ей составить новый план действий.

Вернувшись в дом, где воцарились сумерки, она направилась в спальню и переоделась в пижаму. Где искать Викентия, девушка уже знала. Он снова сидел в холле у разожжённого камина и был удивлён, увидев её:

– Я думал, вы ушли спать.

– Да, я и впрямь очень устала, – призналась она. – Но я рассчитывала, что вы выберете для меня книгу, на случай, если я снова не смогу спать из-за кошмаров.

Мужчина понимающе кивнул, и они направились в библиотеку.

– Александр Дюма? – спросил он и потянулся за книгой на полку. – Граф Монте-Кристо?

– О чём эта книга? – она придвинулась ближе.

– История о мученике замка Иф и о парижском ангеле мщения, – смотритель протянул девушке книгу, невольно коснувшись нежной кожи её рук.

Николина не спешила принимать книгу, она учтиво поцеловала Викентия в щёку, что заставило его придержать роман в своих руках подольше. Оставляя мужчину в смятении и смущении, гостя покинула комнату.

Глава 8. Запертые тайны

Перебирая у одной из комнат ключи в поисках подходящего, девушка всё более отчётливо ощущала холодок на коже. Она удивилась, что Викентий не ощутил, как она ловко пробежала пальчиками по его карманам в поисках ключей. И теперь, когда она перебирала связку, сердце её бешено колотилось из-за страха оказаться пойманной во второй раз. Такова была попытка Николины поступить правильно, поскольку смотритель говорил лишь ничего незначащими загадками, утверждая, что желает помочь ей.

Когда один из ключей отворил замок первой спальни, волна жуткого смрада окатила гостью. Мерзкий запах запылённой комнаты разительно отличался от атмосферы остальной части особняка. Отдёрнув шторы, Николина впустила в комнату лунный свет. Теперь стало возможным разглядеть претенциозный интерьер комнаты. Кровать завешивал тяжёлый балдахин из тёмно-зелёной бархатной ткани, украшенной гирляндами паутин. Гостья обыскала помещение, но шкафчики, наполненные старой одеждой, не дали требуемых ответов. Тогда она направилась исследовать следующую комнату.

От страха натолкнуться на призрака в доме, где раздавались до дрожи пробирающие скрипы, постукивания и шорохи, пульс эхом стучал в ушах. Когда она отперла дверь в соседнюю спальню, перед ней снова предстала тёмная комната, щедро усыпанная пылью и пропитанная сладким зловоньем. В этой спальне смрадный запах казался более резким. Пахло смертью. Гардина со шторами лежала на полу, поэтому свет луны беспрепятственно проникал в комнату.

Водя светом фонаря по стенам и зажав нос, Николина не обнаружила ни одного портрета. Как и в предыдущей комнате, гость не забрал свои вещи. Девушка принялась обыскивать прикроватные тумбочки у кровати, завешанной балдахином, где сладковатый запах гниения и затхлости усилился. В голове гостьи завертелись ужасные образы, в которых смотритель предстал серийным маньяком, иначе что может так мерзко вонять? Скрепя душой и сердцем, борясь со страхом, девушка дрожащей рукой отодвинула занавеску, а другой осветила в образовавшуюся щель. Нечто потемневшее и отвратительное находилось там. И чтобы лучше рассмотреть это, девушка разом раскрыла балдахин и отпрыгнула назад, стоило оказаться под облаком пыли.

От увиденного зрелища на кровати гостья ахнула и зажала рот от подступающей тошноты. Комната на доли секунды погрузилась в темноту, однако инстинкт самосохранения заставил девушку вернуть свет фонаря на ложе и не отводить взгляд от двух сгнивших тел. Совладав с собой, Николина на ватных ногах вышла в коридор и схватила канделябр, после чего направилась поспешно открывать двери остальных спален. За каждой запретной дверью находились мертвецы: тела одних полностью истлели, став мумиями, а тела других всё ещё разлагались.

Девушка задавалась вопросом, как Викентий с дочерью живут в доме, наполненном трупами. Неужели это часть прописана в договоре смотрителя? Почему трупы не захоронены?

Николина с ужасом осознала, что находится посреди океана на острове без шанса на побег и возможности связаться с кем-то из близких или полицией. Неужели она и впрямь считает Викентия серийным убийцей?

За окном забрезжил рассвет. Небо затягивали тучи.

Николина сидела в собственной спальне на диване и размышляла над побегом. Она должна уйти, пока Викентий спит, и переждать дни до приезда парома в безопасном месте. Но как быть с Алевтиной? Возможно она даже не его дочь, а дочь кого-то из убитых. А если они не были убиты, а умерли своей смертью? И раз девочка всё ещё жива, возможно, Викентий не станет причинять Алевтине вред?

– Слишком много мыслей, – Николина повертела головой, стараясь избавиться от них.

Схватив рюкзак с документами и небольшим количеством одежды, Николина спустилась на кухню и стала собирать еду в корзину, с которой они ранее ходили на пикник. Переливая в термос воду, она услышала позади себя чьи-то шаги и дыхание.

– Доброе утро, Николина. Что происходит? – спросил Викентий.

– Доброе утро, – она тянула время, пытаясь придумать правдивую ложь. – Я готовлю корзину для пикника, – и молилась, чтобы он не заметил рюкзак, лежащий на стуле.

– Вам понравилось, – улыбнулся он. – Но еды слишком много, – замечание прозвучало зловеще.

– Среди нас мужчина, которому необходима энергия для защиты острова от непрошенных посетителей.

– Как вы правы, – согласился он, подойдя ближе.

Девушке показалось, что стук её напуганного сердца наполнил комнату. Перед глазами предстала картинка, где выделенная для неё чистая спальня становится её вечной обителью.

Викентий снова сделал шаг вперед, сократив расстояние между ними до полуметра, а затем произнёс:

– Нам лучше отправиться на пикник, когда трава обсохнет от росы.

– Вы правы, – дрожащим голос сказала девушка и приблизилась к нему. – Спасибо за книгу. Начало очень интересное, – она взяла один из бутербродов, протянула его Викентию и стряхнула невидимую пыль с его одежды.

Манёвр удался, и ключи снова оказались в кармане его пиджака.

– Благодарю. Увидимся позже, – сказал Викентий и скрылся в глубине дома.

Как только шаги зрителя стихли, Николина покинула кухню через чёрный вход и побежала прочь от дома к поросшей тропинке, ведущей к песчаному берегу острова. Но не успела она сделать и десяти шагов, как позади зашкрипели петли двери, а затем послышался детский голос. Николина не хотела оборачиваться, но Алевтина настойчиво звала её, грозя привлечь внимание Викентия. «Необходимо успокоить девочку», – решила гостя и повернула назад к дому с журавлями.

– Эй, ты чего не спишь?

– Я всегда рано встаю. Вы снова идёте на маяк?

– Да, – солгала девушка.

– Можно с вами?

Николина разрывалась между «Да» и «Нет». Викентий, скорее всего, уже знает, что она без его ведома обследовала дом, поскольку вспомнила, что забыла запереть одну из комнат. Возможно, он заставляет дочь приглядывать за ней, а сам тем временем готовится убить ту, что разоблачила его.

Из дома донеслись громкие хлопки дверьми, а после и громкий голос зрителя:

– Николина, Алевтина, вы где?

Губы девочки раскрылись в желании ответить отцу, но Николина остановила её, приложив палец к губам.

– Мы с папой играем в прятки, – объяснила она ребёнку.

– Здорово, – девочка в предвкушении захлопала в ладоши.

– Алевтина, – она поманила дочь зрителя за собой.

Оказавшись на песчаному берегу вблизи лодки, Николина убедилась в правдивости его слов. Посудина была непригодна для переплавы. Обдумывая место, где Викентий не станет их искать, гостя повела девушку в сторону погостов, скрывающихся за горой и грядой деревьев.

Глава 9. Игры в прятки

Быстрым шагом дорога до кладбища заняла около пятнадцати минут. У отверстия в стальном просевшем заборе Алевтина дрожащим голосом произнесла:

- Я не хочу там прятаться. Там страшно.
- Не бойся, я рядом, и у нас есть много вкусностей, чтобы задобрить мертвецов.
- Правда? – Алевтина крепче сжала руку Николины.
- Конечно.

Многие могильные плиты выглядели мрачными и заметно пострадали в процессе течения времени. Проходя вглубь кладбища, Николина отметила, что они представляли собой своеобразные склепы, иными словами, тело находилось не в земле, а в бетонном коробе. По всей видимости, это сделали для того, чтобы не отравлять подземные воды, наполняющим родник, трупными ядами. Все тропинки на территории кладбища располагались в форме креста и вели к небольшому склепу, расположенному в центральной части, где можно будет укрыться от дождя. Лица усопших на могильных плитах были скрыты за поржавевшими железными створками. Одну из могил перекрывал куст дикой ягоды. Кругом царили запустенье и разруха. Вся обстановка, царившая в обители мёртвых, нагоняла тоску, но не ужас.

Девушка снова принялась вглядываться в происходящее у дома, притворяясь, будто задабривает покойников печеньем и конфетами. Тем временем в её голове пронеслось множество мыслей. Она перебивала варианты, как объяснить девочке, что её отец убийца и им лучше вместе дождаться парома и покинуть остров. Маленькая девочка в страхе прижималась к Николине.

Вскоре гостья заметила у дома какое-то движение: Викентий вышел через чёрный ход и принялся смотреть по сторонам. Заметив это, девушка молниеносно села на корточки и посадила девочку, пытаясь скрыться за очередной почерневшей плитой. Она молилась, чтобы мужчина не решил их искать в этом всеми забытом месте. В попытке найти веру она прочитала имя с могилы и, не отдавая себе отчёта, взмолилась вслух:

– Алевтина Гронеско, пожалуйста, спаси нас и сохрани, – девочка рядом заметно притихла.

Вороны, кружившие и каркающие до этого вдруг замолкли, шелест листьев прекратился, на кладбище воцарилась тишина. Ещё мгновение, и до расстроенного сознания Николины дошёл смысл произнесённых слов. Она оглянулась на девочку, пытаясь прочесть ответ в её глазах, но безуспешно. Не отрывая своего взгляда от Алевтины, будто боясь, что та растворится в воздухе, гостья подняла на надгробии металлическую створку, защищающую фотографию от капризов природы. Девочка покорно ждала, не пытаясь остановить Николину. На могильной плите всё ещё можно было разглядеть даты: «31 августа 1873 – 3 октября 1877».

Девушка перевела взгляд с Алевтины на фотографию и обратно, затем снова на ребёнка и снова на фотографию. Абсурдная мысль оказалась реальностью. На неё смотрела живая во плоти мёртвая девочка с могильной плиты. Николине казалось, что она попала в кошмарный сон.

– Ты тоже двойник?

Девочка расплылась в улыбке, услышав это.

– Призрак.

Эти слова поставили под угрозу существование идеи, наполненной страшными образами, где Викентия представлялся серийным убийцей.

– И Викентий мёртв?

Николина боялась услышать о Викентии иную правду, так же, как не желала, чтобы он оказался убийцей. Мужчина, несмотря на всю странность и резкость его поведения, вызвал в ней трепетные чувства.

– Он жив, – ответила девочка, и гостя облегчённо вздохнула.

– Как такое возможно? Почему я могу коснуться тебя?

– Я не знаю, – искренне пожала плечами Алевтина.

– Сколько тебе?

– В этом году исполнится 90 лет.

– Выходит, он знает, что ты привидение?

– Да.

– Если ты не дочь Викентия, то кто ты? Что случилось с тобой?

Из-за туч выглянуло солнце.

– А что за трупы, которые находятся в доме?

– Вернёмся в дом? – попросила Алевтина. – Викентий не разрешает мне рассказывать эту тайну.

Девочка, прочитавшая страх в глазах гостя, едва слышно пролепетала:

– Он хороший. Он заботится обо мне и о вас. Он не убивал этих людей.

Николина задумалась, возможно, теперь, после знакомства с призраком, она сможет приблизиться к разгадке и заставить Викентия рассказать историю семьи Гронеско без прикрас и увеливаний. Прежде, чем вернуться в дом, она последний раз кинула взгляд на могилу и про себя прочитала: «1873—1877».

На пороге в дом их встретил Викентий, но Николина всё ещё не верила в его невиновность. Теперь выбор заплатить за эту тайну собственной жизнью был сделан ею лично, а не за неё. Смотритель обменялся коротким взглядом с девочкой, в котором читалась, что тайна дома с лебедями обрела нового пленника.

– Я не хочу возвращаться в дом, – сказала Николина, несмотря на постепенно накрапывающий дождь. – Почему тела не похоронены?

– Нам лучше вернуться в особняк, я не хочу, чтобы вы простыли.

– Я не хочу находиться среди мертвецов.

– Вы уже среди них, – пробубнила себе под нос девочка, и Викентий посмотрел на неё с укоризной.

– В доме намного безопаснее, чем вы думаете, – произнёс смотритель, протянув девушке руку. – Доверьтесь мне, прошу вас, – в его глазах читалась мольба.

Начавшийся ветер гнул стволы деревьев, срывал зелёные листья и заставлял первые капли дождя попадать на террасу.

Девушка снова разрывалась между тем, чтобы покорно выполнить просьбу смотрителя или взбунтоваться против неё. Решение принято.

Вскоре Алевтина направилась бродить по коридорам дома, а Викентий с Николиной расположились у зажжённого камина в хозяйской спальне. Ветер за окном усилился, а капли дождя застучали по подоконнику.

– Вам лучше больше не покидать дом.

– Почему? Кто все эти люди?

– Я всё расскажу вам, только пообещайте, что до самого отъезда больше не покинете эту комнату?

– Серьёзно?

– Серьёзней некуда.

– Я обещаю вам, – произнесла девушка, скрестив за спиной пальцы.

– В тысяча девятьсот третьем году, за день до дня рождения Милилорейн Валдгейм, на этом острове погибли хозяин дома Максимилиан Гронеско, гости, приехавшие на празд-

ник и прислуга семейства – лакей, дворецкий, служанка и кухарка. Когда в день своего рождения Милилорейн возвратилась с родителями с материка, на острове их ожидали лишь тишина и пустота.

– Неужели они не увидели трупы?

– Столкнувшись с мистикой, им не удалось отворить запертые двери. Все, кто попытался проникнуть в комнаты, умерли от сердечного приступа или ослепли. Казалось, что нечто, таившиеся в этих комнатах, защищает их постояльцев. В тот день Милилорейн силой увозили из этого проклятого места.

– Почему же я смогла?

– Вы двойник. Думаю, это не просто совпадение.

– С 1903 года более никто из родственников не посещал остров, вселявший ужас в их души. За охраной частной собственности были наняты смотрители. Оплата их труда была высокой, даже несмотря на то, что многие из них быстро покидали это место. Кто-то просто уезжал с острова, а кто-то по неосторожности сорвётся со скалы, заработает инфаркт от испуга или застрелится по неосторожности.

– Вы не боитесь, что вас настигнет та же участь?

– Нет, – был сухой ответ.

Она ходила по тонкому льду, не доверяя Викентию. Сквозняк приносил запах зловония, вызывающий тошноту, а скрипы и шорохи, доносившиеся из коридоров, вселяли ужас. Николаина желала поскорее покинуть это дрянное место. Хриплым голосом девушка произнесла, силясь проснуться от кошмарного сна:

– Как они погибли? Почему их тела не предали земле?

Глава 10. Остров проклятых

Смотритель сделал паузу, прежде чем из его уст прозвучало:

– Николина, самый большой человеческий страх – страх смерти. Эти люди не желают уходить.

– Я не понимаю вас, – она с недоумением посмотрела на собеседника.

– Вы ведь верите в то, что Алевтина призрак?

– Признаться, мне всё ещё кажется, что она часть какого-то маскарада.

– Скоро ваше мнение изменится.

– Вы говорите загадками, Викентий, – девушка огляделась по сторонам в поиске того, что может защитить её. – Хотите сказать, в доме есть ещё призраки?

– Да и они не собираются уходить, даже вопреки тому, что находятся на этом острове как в клетке.

– Я в опасности?

– Да. Но в этой спальне вы под защитой. Милилорейн Гронеско наложила на комнату защитное заклятье, желая избавить мужа от ужасных кошмаров, которые стали его преследовать за неделю до трагедии.

– Почему я не видела этих призраков?

– Они растеряны, не знают, чем это может кончиться, поэтому не вмешиваются. Но на вашем месте я бы не стал доверять данному затишью. Они уже отнимали чужие жизни, и им всё ещё хочется поразвлечься.

– Разве вам не страшно? Почему они не трогают вас?

– У нас с ними определённый договор, они не трогают меня и, если повезёт, визитеров острова, а я не уничтожаю их тела, – мужчина сделал короткую паузу и отвёл взгляд на тёмные кроны деревьев за окном. – Но так было не всегда.

– Значит, Максимилиан всё ещё здесь?

Мужчина промолчал.

– Мне нужно поговорить с ним. Он должен рассказать о том, что случилось. Есть ли у меня возможность спасти себя?

– Вряд ли он будет готов к такому разговору. Вы очень похожи на его жену.

– Вдруг в этом и есть мой плюс?

– Возможно.

– Он поймёт меня, раз сам всё ещё не решился перейти на другую сторону.

– Он не может. Хочет, но не может.

– Почему?

– На нём и зиждется проклятие.

– Думаете, он знает, как снять проклятие?

Вопрос повис в воздухе. Чай, разлитый по фарфоровым чашкам с цветочным орнаментом, остывал. Поленья уютно потрескивали в камине, ветер с улицы просачивался сквозь щели в окнах и крыше в дом и сквозняком гулял по обители мёртвых. Постепенно на остров опускались летние сумерки.

– Николина, вы, наверное, голодны? Я приготовлю для вас ужин, – и смотритель поднялся со стула.

Не желая оставаться одной, вопреки всем увещаниям Викентия, что комната скрыта от глаза призраков, она произнесла:

– Я пойду с вами. Призраки ведь не станут нападать на меня в вашем присутствии, верно?

И они спустились на кухню, где Викентий старательно разогревал остатки супа, а Николина разливала по кружкам новую порцию чая. Завидев, что Викентий поставил на столе лишь одно старинное блюдо, она смутилась:

– А разве вы не будете?

– Я довольствуюсь чаем.

Когда они сели за стол, девушка отметила, что кухня стала выглядеть иначе. Пыль и пауки, украшавшие каждый тёмный уголок комнаты, исчезли, казалось, Викентий даже покрасил оконную раму и починил потолок, с которого некогда свисала штукатурка, обнажая его деревянную основу.

– Викентий, вы можете сегодня спать в моей комнате?

Читая вопрос в его глазах, она пояснила:

– Мне страшно, а рядом с вами я ощущаю себя гораздо спокойнее, – а про себя подумала, что будет хорошо не терять его из виду. – Я могу спать на софе, а вы... – но она не успела закончить, как мужчина оборвал фразу.

– На софе буду спать я, если позволите, Николина.

Ночью Николина крепко спала, но посреди неожиданно проснувшись в холодном поту из-за кошмара. Вскоре до её слуха донеслись завывания из самого сердца дома, но она всё ещё уверяла себя, что это сквозняк. Сердце бешено билось. Девушка оглядела комнату в поисках Викентия, но его не оказалось на месте. Несмотря на то, что смотритель утверждал, что комната находится в безопасности, девушка боялась. Схватив со спинки кровати кардиган и накинув его на себя, она подошла к двери и дрожащей рукой повернула ручку.

– Викентий, – проговорила гостя хриплым и еле слышимым голосом.

– Викентий, вы где? – произнесла она чуть громче, но голос предательски дрожал. Не получив ответа, Николина ступила за пределы комнаты и пошла вдоль по коридору, который сквозь окно ярко освещала луна. На ближайшей тумбочке она схватила пустой подсвечник и взяла его в качестве предмета обороны, хотя и понимала, что от привидения это вряд ли поможет. Из-за дверей закрытых спален девушка слышала едва различимый шёпот и шорох.

– Алевтина, – испытала новую попытку гостя, но ответа не последовало.

Девушка продолжала свои поиски, когда услышала треск за своей спиной. Сердце сжалось, на лбу проступила испарина, в подмышках похолодело, в ушах застучал собственный пульс, а ноги стали словно ватными. Чья-то рука легла на плечо, став последней каплей в коктейле страха. В глазах потемнело.

– Я же говорил не выходить, – услышала знакомый и сердитый голос Николина, когда открыла глаза.

Она снова находилась в спальне хозяев на мягкой кровати, укрытая теплым одеялом, как ей показалось, в душную и накалённую до предела летнюю погоду.

– Куда вы уходили? – задала гостя свой вопрос.

– На обход.

– Ночью?

– Такова работа смотрителя. Я ведь ещё слежу за маяком, пусть он и одряхлел.

Больше она ничего не спрашивала, но несмотря на то, что дрема укутывала её, как тёплая вода в ванне, она не поддавалась сну.

– Бессонница?

– Я боюсь, что вы уйдёте.

– Я буду здесь, когда вы проснетесь.

Глава 11. Остывшая постель, но где моя любовь?

Свет утреннего солнца озарил просторную спальню. Из приоткрытого окна с улицы доносились не только струи свежего воздуха, окропленные росой, но и гомон птиц и шум океана. Девушка потянулась в постели и положила свою голову на грудь мужу.

– Доброе утро, Милилорейн, – сказал он, приобняв жену.

– Доброе утро, Максимилиан.

Мужчина перекатился на живот и навис над возлюбленной для крепкого поцелуя в губы, которые, как ему казались, на вкус были как мёд. Влюблённые желали провести в постели весь день, но дворецкий, постучавший в дверь, объявил:

– Судно будет готово к отплытию в течении часа.

Максимилиан не желал отрываться от Милилорейн, однако, взяв под уздцы все свои желания, он сказал:

– Не хочу покидать вас, моя дражайшая Милилорейн, – он стянул с себя пижаму и направился к шкафу, – но мне необходимо уладить кое-какие дела на фабрике, – он почувствовал лёгкое прикосновение на своей спине.

– Уже скучаю по вам, Максимилиан, – она уткнулась ему в спину, желая хоть на мгновение задержать его. – Пожалуйста, будьте осторожны. Если море взбунтуется, останьтесь заночевать у родителей.

– Всё будет хорошо, родная. Вам что-нибудь привезти с материка?

– Благодарю, но я желаю только вас. Нам бы стоило перебраться на материк, – сказала Милилорейн, накидывая на себя пеньюар.

– Моя прелесть, вижу, вас всё так же не покидает тревога и уныние из-за новостей о судне, потерпевшем кораблекрушение вблизи нашего острова?

– Да, мой дорогой, и не врите мне, что сами не тревожитесь по этому поводу. Я молюсь за души погибших, – девушка перебралась за туалетный столик.

– Да, моя дорогая, добираться до этого острова становится опасней день ото дня. Но не беспокойтесь, я вернусь в целостности и сохранности, ведь дома меня ждёт такая красавица.

– Вы смущаете меня, Максимилиан, – ответила супруга, расчёсывая густые волосы.

– Этот румянец вам к лицу, любовь моя, – на этих словах мужчина поцеловал жену в губы. – До скорой встречи, радость очей моих, – и покинул комнату.

– До скорой встречи, – сказала девушка и принялась мастерить семейный оберег.

Николина проснулась от яркого солнечного света, слепящего глаза. Девушка уже не чувствовала страха, который завладел ею предыдущим днём. Она старательно пыталась вспомнить свой сон. Всё так же не раскрывая глаз, гостя перебирала отдельные части своего сна, силясь вспомнить лицо мужчины. В этом сне было что-то цепляющее, завораживающее.

Встав с постели, гостя убедилась, что Викентий мирно спит, неудобно устроившись на софе. Она подумала о том, чтобы поблагодарить его за это. Подойдя к окну, она отворила его наполовину, позволив свежему и чистому воздуху наполнить комнату, в котором смешались ароматы лаванды, бергамота и розмарина. Скрывшись в ванной, гостя умылась ледяной водой, поёжившись от холода, и надела бежевые брюки и персикового цвета шифоновую блузку. Когда она вернулась в комнату, смотритель сидел на самом краешке софы и листал блокнот, который когда-то загадочно исчез с прикроватного столика.

– Ночью я слышала чей-то шёпот, – сказала девушка, принявшись заправлять кровать. – Этому дому необходим покой. Вы поговорите сегодня с Максимилианом о нашей с ним встрече, или хотя бы о том, какие у него есть идеи по снятию проклятия?

– Да, – Викентий подошёл к окну. – Духи дома начинают подозревать.

– Что подозревать?

– Что проклятие будет снято, а значит, все они окажутся на той стороне против своей воли.

– Но, если мы не снимем проклятие, умру я.

– Знаю. Вчера я выходил поговорить с Бернардом, он мой поверенный в доме. Боюсь, до самого отъезда вам не стоит покидать этой комнаты.

– Почему?

– Берnard, дворецкий, работавший на семью Гронеско не одно поколение, поделился со мной кое-какой информацией. Он сказал, что ненавистники Милилорейн строят какой-то замысел. И по всей видимости, его итогом будет ваша смерть.

– Но я ведь не Милилорейн, – взмолилась девушка и почувствовала, как комок подступил к горлу.

– Вы её копия, а они жаждут мести.

– Но это ведь не Милилорейн их убила? Ведь так? Или да? Поэтому её заперли в лечебнице?

– Нет, – прозвучало из уст Викентия как рык. – Она не виновата. Эта сделала девушка, которая не могла выносить Милилорейн из-за жгучей зависти.

Николина молчала, ожидая, что зритель продолжит историю, но он молчал.

– Так что же случилось?

– Вам незачем забивать этим голову.

– Я должна знать! – прикрикнула девушка. – Я должна знать, почему меня пытаются убить.

– Единственное, что вы должны знать и запомнить на века: больше никогда не следует возвращаться на остров после того, как покинете его. Поскольку неизвестно, что ещё за сюрпризы хранятся здесь. Я принесу вам завтрак, – на этих словах зритель покинул комнату, и стук его тупель последовал вниз по лестнице.

В голове у девушки вертелось множество вопросов. Она не могла поверить и осознать существование призраков, но Алевтина и звуки, доносившиеся в доме по ночам, да и днём уверяли, что это правда. Не стоит уже говорить о том, что её вещи, если она оставляла их вне спальни, куда-то пропадали. Дом снова возвращался к своему первоначальному облику. Быть может, она уже умирает и видит это место таким, каким видят его призраки. А возможно, это хорошо продуманный трюк, чтобы пугать посетителей, и делать на этом деньги, но денег за её визит никто не брал, да и об этом острове известно сравнительно мало.

К тому моменту, как Викентий вернулся с чашкой чая и бутербродами, у девушки созрел план.

– Максимилиан согласился с вашими рассуждениями.

Мужчина на мгновение замер, словно прислушиваясь к чему-то, затем приблизился к девушке и шёпотом проговорил:

– Он согласен помочь нам снять проклятие, но при одном условии.

– И каком же? – блюдце и чашка в её руках задрезжали.

– Он ещё не раскрыл мне его.

– И каков наш план?

– Вы избавитесь от тел, а я проконтролирую духов.

– Разве они не почувствуют, что с их телом что-то происходит?

– Связь их тела и души потеряна. Они мертвы.

– Что я должна буду сделать?

– Традиционно похоронить тела на кладбище и отпеть их души.

– Так просто?

– На самом деле нет. Составляющие проклятия – вы и Максимилиан, но снять его может только живой человек.

– Хорошо. А как я перенесу тела?

– В саду есть тележка и инструменты. Алевтина поможет вам. Только... – он умолк, не договорив.

– Только что?

– Вы должны следовать моим указаниям, не задавая лишних вопросов.

– И почему я должна, когда вы так много скрываете и недоговариваете?

– Для того, чтобы не застрять со всеми нами в этом доме навечно.

– Аргумент, но неубедительно.

Викентий ничего не сказал, но по лицу было видно, что он сдерживается, чтобы не выругаться. В этот момент свечи в спальне вспыхнули и тут же потухли, а в соседней комнате что-то разбилось.

– Николина, пожалуйста, будьте осторожны.

– Вы тоже, – она тяжело вздохнула. – Когда приступаем?

– Через час. Сначала я должен проверить, чем заняты постояльцы и принести молитвенник, – на этих словах Викентий снова покинул комнату.

Когда смотритель вернулся, стрелки часов показывали девять утра, а за окном светило яркое утреннее солнце.

– В холле я оставил тележку, – проговорил Викентий шёпотом, как только затворил дверь в спальню. – Сейчас мы идём в конец коридора, – он протянул ключи, – и выносим первое тело.

– Кому оно принадлежит?

– Корнелия Вадаскович, подруга Милилорейн. Ей нравилось положение подруги, и она использовала эту связь в своих целях, а нормы этически не позволяли миссис Гронеско разрывать эту дружбу, поскольку Корнелия приходилась Максимилиану двоюродной сестрой.

– Почему мы начинаем именно с неё?

Викентий нервно сглотнул слюну:

– Хоть она жертва, но она участвовала в убийствах и...

– И она одна из тех, кто намеревается убить меня, – договорила за него девушка.

– Всё-таки вы верите мне?

– Разве у меня есть выбор?

В доме происходило множество необъяснимых вещей, которые легко могли оказаться лишь плодом воображения под действием вдыхаемых спор от ядовитых грибов и мха, проросших в фундаменте дома, но Николина разрешила себе поверить в историю, предлагаемую Викентием.

Глава 12. Зима посреди лета

Викентий и Николина размеренным, но быстрым шагом направились в конец коридора. Девушка отворила дверь, и из комнаты повеяло мерзким сладким трупным запахом и затхлостью. Они осторожно зашли в гостевую спальню, боясь привлечь внимание излишним шумом.

– Почему вы уверены, что это поможет?

– Так было написано в письме, оставленном много лет назад Максимилиану на столе в его кабинете.

– И вы верите ему?

– А разве у меня есть выбор?

Он раскрыл балдахин кровати, на которой лежало иссохшее и изгнившее тело в истлевшей сорочке. В этот момент девушка ощутила, как паника разлилась по её телу. Викентий расправил постель и постарался аккуратно завернуть в одеяло тело, не прикасаясь к нему. Николина подумала о том, что потом неплохо будет сжечь кровать целиком.

Смотритель взглядом указал девушке, чтобы та ухватила свёрток с противоположного края. Николина выполнила просьбу, однако в желудке образовался ком. Она постаралась сдерживать рвотный рефлекс.

Тело оказалось легче, чем предполагала девушка. И они двинулись по направлению к выходу. Викентий шёл первым, заведя руки за спину, дабы видеть возможные препятствия на пути. Когда они дошли до лестницы на первый этаж, им послышался какой-то шум в крайней комнате и чьи-то шаги. Викентий ускорил шаг, подгоняя гостью.

– Я вырыл несколько ям, Алевтина отведёт вас к ним. Я буду отвлекать остальных, чтобы никто ни о чём не догадался.

Когда Викентий и Николина стали приближаться к девочке, та выкатила из небольшого чулана рядом с дверью тележку, на которую впоследствии было погружено тело. Смотритель положил на труп библию, где закладкой была отмечена молитва для отпевания.

– Как только закончите с этим телом, возвращайтесь в дом. Предстоит захоронить ещё пару тел. Я буду ждать вас у этих дверей через полчаса.

– Я не думаю, что мы так быстро справимся.

– Нельзя терять ни минуты, иначе они могут понять, что мы творим. В случае опасности непременно возвращайтесь в хозяйскую спальню.

– А часовня у кладбища разве не сможет защитить?

– Только спальня, – на этих словах он обнял девушку, что было очень неожиданным для неё, и ушёл в глубь дома.

Переведя дух, девушка взялась за тележку и покатила её из дома через раскрытую Алевтиной дверь. Девочка помогала толкать тележку по тропинке в глубь лесной чащи. Они шли в молчании, и в голову к Николине лезло множество вопросов. Она хотела знать, как Алевтина может воздействовать на вещи, если она призрак. Ей казалось, что привидения представляют собой не больше, чем сгустки воздуха. Но поскольку было не до расспросов, девушка отложила их на более благоприятное время, если она сможет пережить сегодняшний день. В горле пересохло.

Пока они приближались к кладбищу, погода стала ухудшаться. Поначалу задул легкий ветерок, но с каждой секундой он нарастал всё больше и больше. А на солнечном ясном небе откуда ни возьмись стали появляться облачка, а где-то вдали и вовсе завиднелись тучи.

Добравшись до кладбища, Николина стала стаскивать тело в свежевскопанную могилу, девочка помогала, вопреки испытываемому страху.

В горле у Николины пересохло, поэтому она откашлялась, прежде чем произнесла:

– Алевтина, можешь уйти. Я вижу, тебе тяжело смотреть на останки.

– Я долго живу и не боюсь мёртвых. Я боюсь, что злые духи узнают и придут сюда.

– Тогда у нас нет права на ошибку.

Пока девушка закапывала тело, заморосил дождь. Николина старалась ускориться, дабы закончить отпевание до того, как хлынет ливень. Найдя страницу с молитвой за усопшего, она начала читать. И в этот момент страшный звук пронёсся по кладбищу. Вспышка света и искры от ударившей в железные и проржавевшие чёрные ворота кладбища молнии заставили Николину отлететь в сторону и удариться головой о могильную плиту.

Когда она пришла в себя, Алевтина сидела рядом и неумело била по её щекам, пытаясь привести в чувства:

– Корнелия идёт сюда.

Девушку начало трясти. Она стала судорожно искать молитвенник, который упал в одну из пустых могил. Николина пришла в ужас от того, что его придется лезть в яму для трупа. Повезло, что яма оказалась не такой глубокой, как того требовали нормы, и девушка смогла спуститься туда без особых приспособлений, однако, когда она стала выбираться, ею овладела паническая атака.

Алевтина направилась к Корнелии, вышедшей из дома с кочергой в руке, чтобы задержать её. Однако, когда девочку и разгневанного призрака разделяли лишь считанные метры, Корнелия вдруг исчезла, растворившись в воздухе.

Николина захлопнула молитвенник и осмотрелась по сторонам, силясь узнать, оказалась ли идея с погребением успешна.

У дома доносились крики, грохот мебели и звон битой посуды, когда Николина нагнала Алевтину. В окнах загорелся свет.

– Сработало, – дрожащим голос произнесла девочка.

Гостья обняла призрака, после чего направилась к дверям. Она дёрнула ручку, но двери оказались заперты. Девушка принялась стучать, но никто не спешил её впускать.

– Я попробую открыть дом изнутри, – проговорила Алевтина.

Но зачарованная дверь оказалась не под силу девочке.

– У меня не получается. Дом изменился. Я не могу переместиться на улицу.

– Я не могу переместиться за стену, я не могу покинуть дом. Что-то не так, – слышался голос девочки за дверью.

– Алевтина, попробуй другие двери в доме.

– Хорошо, – и гостья услышала удаляющиеся шаги.

Тем временем Николина подошла к ближайшему окну, чтобы рассмотреть дом изнутри и оказалась очень удивлена увиденному.

Особняк сиял чистотой, словно в него только-только завезли новую мебель и привели комнаты в порядок. Из окна в ухоженной столовой удалось разглядеть холл, обрамлённый цветами, и горящий камин, над которым снова висел семейный портрет. Люстра ярко светила, слепя глаза.

– Что это значит? – проговорила она вслух.

Когда девушка сделала шаг назад, то услышала характерный хруст и почувствовала нечто ледяное и сыпкое. Обернувшись, она увидела огромные сугробы снега. Весь остров был укутан в снежную шаль. Подняв глаза кверху, она увидела ночное звездное небо, с которого падали пышные снежинки. Тёплый летний день вдруг стал холодной зимней ночью.

Терраса скрыла Николину от снегопада, но легкая одежда не могла в длительной перспективе спасти девушку от обморожения и воспаления лёгких. От жуткого холода на коже проступил мурашки и застучали зубы. Она попыталась ещё раз отворить главную дверь, но всё безуспешно.

Вернувшись к окну в столовую, она принялась искать под снегом в саду нечто, чем можно выбить окно, потому что бежать к обратной стороне дома, чтобы проверить чёрный вход через

кухню, уже не было сил и времени. Искать нечто тяжелое и габаритное в сугробах оказалось занятием тяжелым, учитывая, что без варежек руки очень быстро замерзли, и безуспешным. Тем временем снег участился и началась вьюга. Было слышно, как волны бьются о скалы, несмотря на толстую корку соли и льда у берега.

Когда девушка занесла над головой найденные грабли, чтобы разбить окно, она почувствовала, как кто-то вытянул их из рук. Спустя доли секунды они снова лежали в сугробе. Холодные руки, сжимавшие её горло, она не могла нащупать. Казалась, её кулаки рассекают лишь воздух. Вскоре все попытки борьбы были пресечены, когда Николина потеряла связь с землей, ноги парили в воздухе. Ей оставалось только стараться не быть удушенной. Сквозь метель она пыталась разглядеть соперника в отражении в окне, но безуспешно. По шее потекло нечто тёплое. Казалось, что всё это ей только снится.

Прежде, чем окончательно обессилеть и потерять сознание, она увидела Викентия в окне. Его глаза пылали злостью. Он бросал в стекло всё, что попадалось ему под руку, но оно оставалось невредимым, лишь мебель, грузно ударяясь, получала повреждения.

Глава 13. Этот остров должен исчезнуть

Николина проснулась в тёмной комнате вся в поту и с испариной на лбу. Девушка огляделась, пытаясь определить своё местоположение. Сердце бешено колотилось. Немного легче стало, когда она распознала в мутных очертаниях хозяйскую спальню. За окном виднелись звёзды.

Гостья резво спрыгнула с кровати и в очертаниях в зеркале пыталась рассмотреть порез на шее. С невероятным облегчением она убедилась в его отсутствии, объявив привидевшуюся зиму дурным сном. Усталость наравне с бессилием вскоре снова усыпили её.

Утром Николину разбудило звяканье посуды. Оказалось, Викентий ставил на прикроватный столик поднос с куриным бульоном, оладьями со сгущенкой, чашкой чёрного чая. И всё это было украшено вазой с пионами.

– Я достал из погреба курицу, которые вы привезли. Надеюсь, что она ещё съедобна. Сами понимаете, положение дел и отсутствие электричества не позволяют иные способы хранения пищи.

Девушка почувствовала себя не очень комфортно от того, что её обслуживал человек, не обязанный этого делать.

– Спасибо, не стоило. Уверена, курица в порядке.

– После того, что вчера пришлось вам пережить, это меньшее из того, что я могу для вас сделать.

Николина ожидающе посмотрела на смотрящего.

– Вы ничего не помните?

– Хотите сказать, что снег и вьюга не приснились мне?

– Именно.

– У меня должен быть порез на шее. Его нет.

Викентий без церемоний схватил подбородок девушки и отклоняя его то вправо, то влево, внимательно всматривался в шею.

– Как вы себя чувствуете?

– Вполне отлично.

– Вы объясните мне, что вчера произошло?

– Поешьте бульон, – проигнорировал мужчина вопрос, – пока он не остыл.

– Викентий, вы уже не сможете оградить меня от чертовщины, творящейся на острове. Выкладывайте. Почему вдруг появился снег? И кто меня душил?

Мужчина тяжело вздохнул, потёр подбородок, его ноздри раздулись, когда он заговорил:

– Призраки.

– Сколько их было?

– Трое, но удалось справиться только с двумя. Последний призрак довольно моложе остальных и предприимчивее. Он успел спрятать своё тело где-то в доме.

– Как вы это сделали?

– Мне помогли другие духи, не очернённые ненавистью. Предприняв отчаянную попытку, мы сожгли тела тех, кто пытался вам навредить. В камине до сих пор остался пепел.

– Выходит, все слова о том, что двойник может перебросить души, чушь?

– Мне помогал Максимилиан. Дело в вас двоих. Вы можете разрушить проклятие.

– Мы должны закончить начатое. Этот остров должен исчезнуть, – встрепенулась девушка.

– Сейчас вам лучше отлежаться.

– Моя жизнь зависит от этого. Если вы не желаете, чтобы я продолжала, тогда займитесь этим вместо меня.

– Николина, прошу, возьмите одну ночь перерыва. Мы завтра продолжим. Неужели вы не понимаете, что потеряли часть своей жизненной энергии? Призраки погрузили вас в состояние между жизнью и смертью. Вы могли погибнуть.

Гостя хотела вступить в сопротивление, но её губы дёрнулись, не издав ни звука. Викентий заметил, как омрачилось лицо девушки.

– Призраки умеют проникать в голову и оказывать влияние на мысли и образы, которые мы видим.

– Спасибо большое, – девушка с благодарностью посмотрела зрителя. – Закончим завтра.

– Я принесу вам что-нибудь почитать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.